

ИСТОРИОГРАФИЯ, ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ И МЕТОДЫ ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Археологические критерии древнерусского города в свете социальной истории

В. В. Долгов

Для цитирования: Долгов В. В. Археологические критерии древнерусского города в свете социальной истории // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2025. Т. 70. Вып. 1. С. 165–178. <https://doi.org/10.21638/spbu02.2025.110>

В статье рассматривается дискуссия об археологической типологии древнерусских городищ. Дискуссия велась советскими учеными: П. А. Раппопортом, В. И. Довженком, Б. А. Рыбаковым, А. В. Кузой и пр. Согласно типологии, сложившейся в советской исторической науке, древнерусские городища являются остатками трех видов поселений: собственно городов, феодальных замков и княжеских крепостей. Однако общая позиция об археологических критериях этого разделения так и не была выработана. Дискуссия зашла в тупик. В статье показано, что причины отсутствия результата заключались, во-первых, в слабой связи критериального анализа с материалом археологических и письменных источников. Во-вторых, при разработке концепции были допущены ошибки в математическом аппарате исследований. И, наконец, в-третьих, сказался системный теоретический изъян советской археологической методологии, заставлявший исследователей ориентироваться не столько на источниковую базу, сколько на теории верхнего уровня. Анализ археологических материалов через призму социальной истории позволяет дать простой и инструментальный набор материальных критериев

Вадим Викторович Долгов — д-р ист. наук, проф., Удмуртский государственный университет, Российская Федерация, 426034, Ижевск, ул. Университетская, 1; <https://orcid.org/0000-0002-2243-9853>, dolgov@ya.udm.ru

Vadim V. Dolgov — Dr. Sci. (History), Professor, Udmurt State University, 1, ul. Universitetskaya, Izhevsk, 426034, Russian Federation; <https://orcid.org/0000-0002-2243-9853>, dolgov@ya.udm.ru

Исследование выполнено при финансовой поддержке Фонда Русской цивилизации «Светославъ» в рамках научного проекта № 1/2024 по теме: «Древняя Русь: община, семья, вотчина». Руководитель В. В. Долгов.

The work was supported by the Foundation of Russian Civilization “Svetoslav” within the framework of scientific research “Old Rus’: community, family, estate”, project no. 1/2024, head V. V. Dolgov.

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2025

древнерусского города. Как было показано в работах И. Я. Фроянова и А. Ю. Дворниченко, древнерусский город — это прежде всего община, управляющая как минимум собственной жизнью, а как максимум — и прилегающей территорией. Потому первый признак города — это наличие следов постоянной жизни внутри укреплений и/или на посаде. Второй признак следует из древнерусского значения слова «город» — это наличие укреплений. За редким исключением наличие окружающих город крепостных стен, валов и рвов определяется в ходе раскопок в первую очередь. При этом города могут, конечно, разделяться на большие и малые, на стольные и подчиненные («пригороды»), но существенными признаками должны считаться именно укрепления и население. Выделение «крепостей», «замков», «протогородов» и т. п. идет вразрез и с данными письменных источников и не может быть согласовано с материалами древнерусской археологии.

Ключевые слова: Древняя Русь, археология, древнерусский город, городища, замки, крепости, математические методы в истории.

Archaeological Criteria of the Old Russian City in the Perspective of Social History

V. V. Dolgov

For citation: Dolgov V. V. Archaeological Criteria of the Old Russian City in the Perspective of Social History. *Vestnik of Saint Petersburg University. History*, 2025, vol. 70, issue 1, pp. 165–178. <https://doi.org/10.21638/spbu02.2025.110> (In Russian)

The article examines the discussion of the archaeological typology of Old Russian hillforts. The discussion was conducted by Soviet scientists: P. A. Rappoport, V. I. Dovzhenko, B. A. Rybakov, A. V. Kuza, etc. According to the typology that developed in Soviet historical science, Old Russian hillforts are the remains of three types of settlements: cities proper, feudal castles, and princely fortresses. However, a common position on the archaeological criteria for this division has not been developed. The discussion has reached a dead end. The article shows that the reasons for the failure were, firstly, the weak connection of the criterial analysis with the material of archaeological and written sources. Secondly, errors were made in the mathematical apparatus of the research during the development of the concept. And finally, thirdly, there was a systemic theoretical flaw in the Soviet archaeological methodology, which forced researchers to focus not on the source base but on theories of the upper level. Analysis of archaeological materials through the prism of social history allows us to provide a simple and instrumental set of material criteria for an Old Russian city. As was shown in the works of I. Ya. Froyanov and A. Yu. Dvornichenko, an Old Russian city is a community. Another sign of the old Russian word *gorod* — the presence of fortifications. Therefore the essential features should be considered to be fortifications and population. The selection of “fortresses”, “castles”, “proto-cities”, etc., has no basis in written and material sources.

Keywords: Ancient Rus', archeology, ancient Russian city, settlements, castles, fortresses, mathematical methods in history.

Основы марксистского понимания древнерусской «урбанистики» были заложены академиком М. Н. Тихомировым. В книге «Древнерусские города» он определил, что древнерусский город — это средоточие ремесла и торговли, продукт классового общества, по социальной сути своей напоминающий средневековые города Германии. При этом древнерусские города, по мнению Тихомирова, развивались совершенно независимо от западноевропейских городов, в силу сходных текто-

нических общественно-политических процессов, происходивших в феодальной общественно-исторической формации.

Концепция Тихомирова была ориентирована в большей степени на глобальную теорию, чем на летописный и полевой материал. Дело было, конечно, не в том, что Тихомиров не знал материала. Знал. Но задача его была иной. Роль корифеев, в число которых входил и Тихомиров, заключалась в том, чтобы задать общие марксистские методологические рамки для последующих исследований конкретного исторического материала. Вот он и задал.

Работа в указанном направлении началась. Одними из первых в нее включились археологи. Их эта тема касалась напрямую, ведь городища в древнерусской археологии давали едва ли не львиную долю материала. Нужно было приспособить «направляющие» указания академика к нуждам полевых исследований.

Главной теоретической проблемой стала необходимость археологически отделить собственно древнерусские города от «протогородов», феодальных замков и пограничных крепостей. Древнерусские письменные источники не знали никаких замков и крепостей, однако их следовало найти, поскольку, во-первых, при феодализме должны быть феодалы, а у феодалов должны быть замки; и, во-вторых, должны быть крепости чисто военного назначения, в социальном плане отличающиеся от городов. Средневековый западный город — это экстерриториальный остров в феодальном море. Значит, и на Руси, согласно базовой концепции, должна была сложиться сходная ситуация.

Первые варианты археологических критериев выделения древнерусских городов, и отделения городов от замков и крепостей были предложены П. А. Раппопортом¹ и В. И. Довженком². Однако их небольшие статьи скорее служили постановке вопросов, чем нахождению ответов.

В целом получалось так, что полноценными городами исследователи предлагали считать только крупные (самые многолюдные и экономически развитые) укрепленные населенные пункты. Остальные же древнерусские городища, поменьше, даже те, которые прямо назывались городами в древнерусских источниках, этого звания лишались и переводились в разряд феодальных замков или крепостей («крепостиц»).

Основания для такого взгляда были, в общем, довольно элементарные. Во-первых, в небольших укрепленных поселениях никак не удавалось найти следы товарного ремесленного производства³ и эксплуатации окружающей сельской округи⁴. Во-вторых, основным занятием населения в древнерусских городах оставалось сельское хозяйство, что тоже никак не вписывалось в должный «социально-экономический портрет» города в его марксистском понимании. Поэтому если в маленьком городе случалось найти какие-нибудь драгоценные украшения и предметы престижного потребления, поселение определялось как замок, если нет — то как пограничная крепость. Тем более что пограничье в эпоху политической раздро-

¹ Раппопорт П. А. О типологии древнерусских поселений // КСИА. Вып. 110. 1967. С. 3–9.

² Довженко В. И. Про типи городищ Київської Русі // Археологія. Вип. 16. Київ, 1975. С. 3–14.

³ Для того, чтобы признать производство товарным, необходимо было не только найти следы ремесленным мастерских, но и обнаружить их продукцию в других населенных пунктах.

⁴ Как отмечал В. П. Даркевич, города возникали раньше окружающих их сельских поселений. Например, такова была Рязань (Даркевич В. П. Происхождение и развитие городов древней Руси (X–XIII вв.) // Вопросы истории. 1994. № 10. С. 43–60).

бленности могло проходить во множестве мест. Тем не менее проблема археологической атрибуции древнерусских городищ оставалась нерешенной и осознавалась в качестве таковой в исследовательском сообществе⁵.

По-настоящему системно и даже глобально тема выделения археологических признаков древнерусского города была разработана московским археологом А. В. Кузой. Серия публикаций увенчалась фундаментальным разделом соответствующего тома «Археологии СССР» — «Древняя Русь. Город, замок, село». Типология Кузы базировалась на обширном полевом материале. Собранная и рассортированная исследователем коллекция фактов не потеряла научного значения и по сей день⁶. Не потеряет, нужно думать, и в обозримом будущем. Однако разработанная им типология может и поэтому должна стать предметом критического рассмотрения.

Создание типологий в науке часто имеет прорывное значение. Линнеевская типология животных и растений, ламарковская «лестница видов» сыграли важную роль в становлении современной теории эволюции и биологии вообще. Типологическая теория Ломброзо, хотя и отвергается современной наукой, но считается важным шагом в развитии криминологии. Периодическая система Д. И. Менделеева (тоже своего рода типология) до сего дня остается стержневой теорией современной химии и пр. Типология Кузы составлялась, очевидно, с прицелом на подобный познавательный эффект.

Общетеоретические декларации, выдвинутые Кузой в начале типологического раздела, конечно, были традиционные. Он поставил во главу угла марксистское (в сущности, социально-экономическое) определение города как центра ремесла и торговли. Кроме того, Куза, шедший курсом, намеченным академиком Б. А. Рыбаковым, связывал возникновение городов с развитием классового общества и считал их местом скопления и перераспределения прибавочного продукта. Именно это обстоятельство он считал центральным фактором, на который следует обращать внимание в рамках марксистского понимания исторической политэкономии. При этом со ссылкой на работы Рыбакова исследователь отмечал, что помимо торгово-ремесленных город обладал еще целым рядом функций: военной, административной и пр. По мнению Кузы, функции эти могут быть обнаружены по археологическим маркерам, сочетание которых открывает возможность утверждать, что перед нами точно город.

Объединять все критерии в рамках одной типологической системы Куза не стал и выстроил несколько взаимосвязанных типологий. Первая в качестве базовой зависимости должна была увязать размер укрепленного поселения и форму его фортификаций. Если сказать упрощенно, начал археолог с того, что разделил древнерусские городища на маленькие, чуть побольше, еще побольше и большие.

Далее он разделил оборонительные сооружения городов:

1) на простые, построенные с максимальным использованием природных условий — утесов, холмов, крутых береговых уступов (для их обустройства требовалась незначительная доработка);

⁵ В различных аспектах тема дискутировалась в 1985 г. на V Международном конгрессе славянской археологии в Киеве.

⁶ Куза А. В. Древнерусские городища X–XII вв. Свод археологических памятников. М., 1996.

2) чуть более сложные (требовавшие от строителей бóльших усилий по доработке природных условий);

3) такие фортификации, которые были построены в чистом поле, на гладкой поверхности, то есть в таком месте, где подходящих природных объектов не было, и поэтому приходилось прикладывать много трудовых усилий;

4) наконец, такие, которые имели оборонительные сооружения сложной формы (на нескольких мысах, на близко расположенных холмах и пр.).

Иными словами, ключевым критерием оценки фортификационных сооружений Куза избрал степень их технологической сложности.

Кроме того, значимым показателем было время бытования города. Данные многочисленных раскопок были выражены в абсолютных цифрах и процентах, а затем объединены в таблицу⁷, которая должна была показать корреляции между этими тремя критериями классификации: по размеру, сложности укреплений и времени возникновения. В итоге должна был сложиться типология.

В общем и целом, познавательный итог первой типологии, возможно, имел (и продолжает иметь) важное значение в рамках сугубо археологических штудий, но историк, пожалуй, будет несколько разочарован. Из таблицы получалось, что среди больших населенных пунктов городища со сложными фортификациями встречаются чаще, чем среди маленьких; что маленькие города основывались чаще, чем крупные; что от X к XIII в. количество городов на Руси увеличивалось. Корреляции бесспорные, но не слишком будоражащие мысль.

Если бы мы имели дело с каким-то равномерным процессом, можно было бы вывести формулу и составить график, по которому можно было бы предсказывать какие-то неизвестные показатели. Собственно, в этом и заключается смысл выведения корреляций. Однако в данном случае этого сделать нельзя. Что мы может получить от такого графика? На нем мы бы смогли увидеть, сколько древнерусских городов возникло бы в XIX, XXI или XXIII вв.; насколько сложны были бы укрепления у крупного древнерусского города грядущего тысячелетия. С математической точки зрения — вполне обычная операция, а по сути — абсурд.

Если продолжить математическую игру с собранными Кузой цифрами, можно было бы задаться вопросом: мог ли этот график выглядеть иначе? Могла ли тенденция идти в обратном порядке? Можно ли представить ситуацию, что городов на Руси с течением столетий становится все меньше, укрепления становятся все проще, а инвентарь беднее? При хорошей фантазии такое представить можно, если Древняя Русь была бы ветшающим остатком какой-то древней умершей цивилизации, доживающей последние столетия, но эта гипотеза абсурдна.

Увы, таблица Кузы, демонстрирующая первую типологию, интересна только как концентрированная сумма конкретных чисел, но никакого нового закона, по сути, не открывает⁸. Конечно, можно было бы возразить, что корреляция, прослеживаемая на отрезке трех столетий, интереса сама по себе, если она верна. С этим, пожалуй, можно было бы согласиться. Куза дал археологическое подтверждение процессам, которые и через призму письменных источников были вполне очевидны.

⁷ Археология СССР: Древняя Русь. Город, замок, село. М., 1985.

⁸ Гуманитарии часто забывают, что именно в прогнозировании неизвестных данных заключается смысл графиков функций.

Пожалуй, более познавательный вариант почти той же типологии был показан в книге, опубликованной уже после смерти автора в возрасте 44 лет⁹. В ней зависимость размера городищ от их количества была дополнена еще одним показателем: зависимостью частоты упоминаний в летописи от их размера (см. диаграмму). Эти цифры важны при обсуждении одного из ключевых для изучения раннесредневековой истории вопроса: насколько полно и верно количественные показатели объективной реальности оказываются представлены на страницах письменных источников¹⁰.

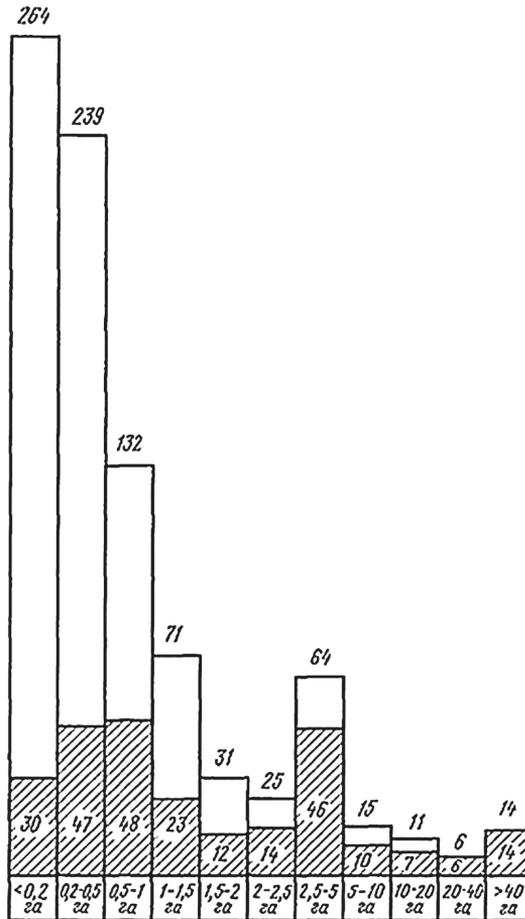

Рис. Соотношение размеров укрепленных площадей поселений X–XIII вв. Штриховкой показано количество памятников, известных по письменным источникам

Источник: Куза А. В. Малые города Древней Руси. С. 41.

⁹ Куза А. В. Малые города Древней Руси. М., 1989.

¹⁰ Подробнее см.: Долгов В. В. Постриги княжичей в Древней Руси XII–XIV вв. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2023. № 3 (93) С. 7–15.

С одной стороны, предсказуемо оказалось, что в летописи нашли отражение лишь 11 % бытовавших малых городов, а большие известны все. С другой стороны, между этими двумя крайними точками в графиках есть серьезные колебания, то есть зависимость реальности от упоминаний не является линейной. Неожиданно и в письменных источниках, и в археологической (объективной) реальности большие цифры набирают города с площадью 2,5–5 га. Городов с площадью от 1 до 2,5 га немного, и в летописи они появляются нечасто. И вдруг городки с площадью 0,5–1 га вновь дают резкое количественное повышение.

Цифры А. В. Куза привел интересные. Однако его анализ данных вызывает возражения. Ученый писал: «В целом, диаграмма в верхней части повторяет нижнюю половину. Относительно плавное уменьшение числа поселений по мере возрастания их площади прерывается в группе памятников с укрепленной территорией от 2,5 до 5 га. Вновь прослеживается рубеж, отделяющий друг от друга, по-видимому, социально различные категории поселений. Сравнивая обе половины диаграммы, нельзя не заметить, что в группах VI–XI (наибольшая укрепленная площадь) преобладают летописные города (соответственно: 14–11; 46–18; 10–5; 7–4; 6; 14), а в первых пяти группах, наоборот, — “безымянные поселения” (234–30; 182–47; 84–48; 48–23; 19–12). Закономерность очень четкая: чем меньше укрепленная площадь поселения, тем реже вероятность встретить его имя в письменных источниках. Исходя из этого, поселения городского типа в первую очередь следует искать в группах памятников, где господствуют летописные города. С другой стороны, больше половины (493) учтенных в диаграмме поселений имело укрепленную площадь менее 0,5 га. Последнее обстоятельство делает маловероятным их городской характер»¹¹.

Если обобщить выводы Кузы, укрепленные поселения можно разделить на «большие/летописные» и «маленькие/безымянные». Среди «больших» совсем немного «очень больших» и гораздо больше «относительно маленьких». Та же зависимость повторяется и в группе «маленьких»: там относительно немного «больших среди маленьких» и очень много по-настоящему маленьких городов. При этом «большие» города чаще упоминаются в летописи, поэтому и названы условно «летописными», а «маленькие» чаще не упоминаются — поэтому они «безымянные». Граница между ними пролегает на отметке от 2 до 2,5 га. Куза предлагал оставить статус настоящих городов только за первой группой (> 2,5 га).

В самой простой линейной аппроксимации все, пожалуй, так и выглядит, однако дьявол, как всегда, кроется в деталях. Во-первых, даже если взять диаграмму в том виде, как она предложена Кузой, можно заметить, что пики значений по показателям количества упоминаний и размера открытых городищ не совпадают. Если выразить в процентном отношении показатель городов, чаще всего оставшихся безымянными среди «летописных», то получится, что это довольно крупные пункты, площадью 10–20 га. Из них оставались без «имени» 37 %. Между тем к самым крупным, известным в 100 % случаев, вплотную примыкают относительно небольшие городки площадью 2,5–5 га. Среди них неизвестными осталось только 28 %. Сам Куза называет городские центры с площадью 2,5 га — купными¹². Однако если 2,5 — это уже крупные, то 10–20 — это уже, можно сказать, грандиозные. Как же вышло, что городки 2,5–5 га попадали на страницы летописей чаще, чем ме-

¹¹ Куза А. В. Малые города Древней Руси. С. 42.

¹² Там же. С. 43.

гаполисы» в 10–20 га? Как могло получиться, что такое количество очень крупных городов где-то жило своей тайной безмолвной жизнью? Как такое было возможно? Представить такое в реальности сложно.

Именно поэтому, и это во-вторых, закономерным шагом будет проверить математический аппарат, использованный исследователем. Сразу обращает на себя внимание шкала, по которой рассчитываются территории поселений: она имеет шаг не только не равномерный, но и не подчиняющийся никакой постоянной регулярности: 0,2; 0,3; 0,5; 0,5; 0,5; 0,5; 2,5; 5; 10; 20.

Как видим, шкала имеет резкий скачок значений: после четырех шагов по 0,5, сделанных без изменений, шаг вдруг становится 2,5, то есть возрастает в 5 раз, а затем вновь возвращается к менее радикальному возрастанию — в 2 раза. Нетрудно угадать, где у графика, построенного в такой системе координат, может образоваться неожиданный пик. Он как раз там и «выскочил», где шаг резко возрастает — в ключевых для типологии Кузы городах размером от 2,5 га.

Что это означает? Какой вывод можно сделать из этих подсчетов? Увы, вывод этот будет касаться не столько древнерусских городов, сколько специфики использования математических методов в истории. Главная проблема, как правило, возникает в подготовке материала для подсчета. Это вопрос даже не математический, а философский: как перевести недискретные формы нашего разнообразного мира на язык арифметики? Об эту проблему разбивались многие весьма многообещающие теории.

Так, например, академик А. Т. Фоменко подверг математическим расчетам древнерусские тексты, в надежде доказать, что они дублируют друг друга. Считал он слова и буквы — вроде бы вполне дискретный материал; но всякий исследователь древнерусских текстов, работавший с рукописями, знает, что, во-первых, древнерусские авторы не делили текст на слова пробелами, а во-вторых, не имели четко установленной орфографии, поэтому каждый раз в одном и том же слове у них могло быть, как ни покажется странным, разное количество букв. Фоменко пользовался уже изданными текстами, в которых современные ученые провели работу: разделили слова, главы и параграфы, восполнили пропуски букв, раскрыли титлы и лигатуры. Так что же считал академик Фоменко? Это остается загадкой.

Та же ситуация случилась и с подсчетами А. В. Кузы. Он разделил городища по размеру территорий, но основания для деления выбрал весьма произвольно. Разделил бы иначе — результат был бы иным. Несомненно только, что, как уже было сказано, больших городов было меньше, и их названия попадали на страницы летописи чаще, а маленьких — больше, и они чаще оставались неизвестными. Все более тонкие подсчеты и соображения слишком случайны и сильно зависят от субъективных рамок, намеченных исследователем.

Следующая типология в некотором смысле интересней. Она опирается не столько на количественные, сколько на качественные критерии. Она тоже весьма спорна, но по другим причинам. В ней Куза начал с того, что подверг археологической инструментации социально-экономические, политические и культурные признаки города, взятые в марксистском понимании.

Итак, маркерами города, по мнению археолога, можно считать¹³, во-первых, материальные следы ремесленного производства и торговли. Пункт этот понятен,

¹³ Археология СССР. С. 46.

хотя в построенной им формулировке не учитывается ранее высказанное замечание П. А. Раппопорта, что сами по себе признаки ремесла не могут быть значимы, поскольку они встречаются повсеместно, в том числе в материалах селищ. Раппопорт указал, что принципиальными являются свидетельства товарного производства, а это материя более сложная. А. В. Куза этого в расчет не берет. Во-вторых, к признакам города исследователь относит «административное управление». Материальными признаками того, что обе функции в поселении исполнялись, Куза считает наличие в культурном слое печатей и пломб — в данном случае это критерий сам по себе хотя и понятный, но небесспорный, как минимум потому что пломбы могли попадать в землю не столько в местах отправки запечатанных ими грамот/товаров, сколько в местах их получения (а значит, в целом ряде случаев не крупных центров власти, а периферии). Также следует иметь в виду, что древнерусские печати и пломбы, по мнению многих специалистов, связаны скорее с торговлей, чем с административными функциями¹⁴.

Есть и еще одно обстоятельство, открывшееся в самое последнее время: топографическая карта находок пломб, опубликованная по материалам члена-корреспондента РАН П. Г. Гайдукова в 2024 г., показывает, что наибольшее число пломб найдено вовсе не в самых крупных городах. Гайдуков отмечает, что «наибольшее количество древнерусских пломб найдено в Дрогичине, Новгороде и Городце на Волге. Если посмотреть на карту, то легко увидеть, что это места возле границ древнерусского государства в XII в.»¹⁵.

Таким образом, подход к выделению критериев, предложенный А. В. Кузой, вряд ли можно считать оптимальным, поскольку один из ключевых смыслов аналитического критерияльного метода — возможность выдвижения гипотез при недостатке данных. Например, если у человека повышается температура тела, то есть основание предположить, что он заболел. Повышение температуры — действительно важный критерий, достаточный для выдвижения гипотезы, хотя и не достаточный для формулировки окончательных выводов (температура может повыситься и у здорового). Сказать то же о нахождении в культурном слое пломб и печатей мы не можем. Согласно современным данным, они вряд ли могут служить маркером города как центра ремесла и торговли.

Третий критерий, согласно А. В. Кузе: в культурном слое города как оборонительного сооружения должны встречаться предметы военного быта (оружие, доспехи, элементы военной конской сбруи). К этому тоже следует отнести критически. Конечно, в материалах раскопок нередко встречаются предметы, связанные с военным бытом. Но что это за предметы? Это обрывки кольчужного полотна, наконечники стрел, обломки ножей или оковок ножен, то есть предметы, относительно которых невозможна внятная социальная атрибуция. Военную аристократию характеризует не само по себе оружие. С ножом мог ходить и холоп. Аристократическое оружие — это оружие серьезное: дорогие брѣни, сложные шлемы, золотые шпоры и качественные мечи. А вот с этим дело обстоит сложнее.

¹⁴ *Торопова Е. В.* Древнерусские свинцовые пломбы из раскопок в Старой Руссе: топография и хронология // Новгородский исторический сборник. Т. 19 (29). В. Новгород, 2020. С. 66–81.

¹⁵ *Гайдуков П. Г.* О древнерусских товарных пломбах и топографии их находок // Там же. Т. 20 (30). В. Новгород, 2023. С. 3–28.

Оружие, как мы знаем, представляло весьма непростое для средневекового ремесленника изделие и поэтому было дорогим, равно как и доспехи, поэтому среди потерь оружие встречается нечасто. Большая часть оружия и доспехов найдена не на территории поселений, а в могильниках, куда они попали как часть погребального инвентаря¹⁶. Возможность их попадания в культурный слой поселений была весьма ограничена. В больших городах, на территории которых стояли аристократические усадьбы, предметы такого рода могут теоретически встречаться в культурном слое. В случае серьезных катаклизмов (пожаров, нашествий и пр.) они оставались погребены в руинах этих усадеб. Но как предметы военного быта могли оказаться в земле, если таких усадеб не было? Вряд ли какой-нибудь древнерусский витязь мог, прогуливаясь, потерять меч на территории небольшого городка. Причем потерянный рассеянным рыцарем меч должен был спокойно валяться на земле до тех пор, пока его не занесет наплывами почвы более поздних веков. Ситуация невозможная. Наличие оружия в культурном слое поселения должно свидетельствовать не столько о его городском статусе, сколько о наличии в нем аристократических жителей и аристократических усадеб, а это, как мы понимаем, в рамках марксистской концепции, уже свидетельство не «города», а «замка».

Следующий критерий, который выделял Куза, — наличие монументальных сооружений: каменных храмов, дворцов и оборонительных сооружений. Как уже, наверное, догадывается читатель, этот критерий тоже выглядит, как минимум спорно, поскольку основным строительным материалом на протяжении всего древнерусского периода оставалось дерево. Каменные храмы строились относительно нечасто, дворцы — еще реже, а каменная фортификация — и вовсе уникальное явление. Однако формирование этого критерия — совсем неслучайный элемент в типологии, разработанной московским археологом. Он тесно связан с самой сутью его концепции. Если храм был, но он был деревянным, то в рамках типологии Кузы населенный пункт лишается этого важного критерия — «монументальные сооружения».

Также со спецификой концепции А. В. Кузы связаны критерии, о которых до него в таком ключе никто не рассуждал: это наличие следов письменности, драгоценных предметов, связанных с бытом «феодалов», и особенности городской топографии — «усадебно-дворовая застройка, дифференциация жилых построек по местоположению, размерам и устройству»¹⁷.

Если сложить все критерии, выделенные Кузой, перед нами предстанет картина большого древнерусского города, сияющего золотыми куполами каменных церквей, узорчатыми крышами теремов и окруженного грозными крепостными стенами с каменными башнями. Это город, населенный различными людьми, среди которых значительную часть занимают ремесленники, купцы, блестящие аристократы и грамотные клирики. Это город, различные районы которого имеют отчетливую классовую дифференциацию: есть обособленные княжеские и боярские дворы, ремесленные улицы, храмовые комплексы, торговые площади, окруженные складскими и торговыми строениями и домики небогатых горожан. Этот город господствует над обширной сельскохозяйственной областью. В нем правит сильный князь, стоящий на высокой ступени княжеской иерархии. Город обладает

¹⁶ Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие: в 2 вып. Вып. 1. М.; Л., 1966. С. 9–10.

¹⁷ Археология СССР. С. 46.

значительными военными силами, он является неприступной цитаделью на пути врагов и диктует свою волю не только смердам, влачащим незавидное существование по окрестным деревенькам, но и городам поменьше — пригородам. Картина рисуется впечатляющая. И мы, конечно, узнаем этот город — это же Киев! Или, в крайнем случае, Новгород или Полоцк. Все как будто хорошо, но возникает вопрос: а как же, например, Белгород? Автор «Повести временных лет» рассказывает нам о смекалистых белгородцах, в X в. ловко перехитривших печенежских послов историей о колодце с киселем. Если подходить с критериями, разработанными Кузой, то Белгород в тот момент не был еще городом. Да, в нем были крепостные стены, действовало вече, воспринимался он современниками как город, но не достигал до критериев, разработанных ученым XX столетия, ориентированным на теорию мыслителей века XIX.

В этом есть определенная странность. И странность сигнализирует о теоретической проблеме. Проблема эта осознавалась и самим исследователем, поэтому Куза вводит понятие протогорода, то есть населенного пункта, который в рамках русского Средневековья воспринимался как город, но не удовлетворял тем критериям, которые обозначил ученый. В целом это проблему не решало. Так или иначе получалось, что среди 862 укрепленных населенных пунктов («городов в древнерусском смысле слова») городами в «научном» (социально-экономическом) смысле могут быть названы лишь 74, что составляет 8,5 % от общего числа¹⁸.

Сама по себе такая ситуация не несет в себе ничего криминального. Подобного рода радикальные пересмотры таксономических групп нередки, например в биологии. Так, морских животных вида *Magellania venosa* изначально относили к двухстворчатым моллюскам по их внешнему сходству, но затем разобрались, и выделили в совершенно отдельный тип — плеченогих.

Однако с древнерусскими терминами ситуация в существенной степени иная. И дело даже не в том, чтобы оказать уважение авторам древнерусских письменных источников. В конце концов, хотя и с некоторым сомнением, но можно допустить, что ученый Новейшего времени больше понимает в изучаемой эпохе, чем современник. Конечно, Нестор летописец — не плеченогий и, пожалуй, был бы удивлен, что из «прекрасного далека» мы подвергаем сомнению его понимание современной ему реальности. Однако хотя бы гипотетически мы можем допустить, что ученый-эксперт, вооруженный научной теорией, может провести аналитические процедуры лучше и глубже печерского монаха.

Допустим, но дело в другом: система терминологии тесно связана с системой мышления, поскольку человек мыслит словами. А система мышления, система словесного оформления социальных реалий — это важный фактор социальной истории. Об этом немало написано историками (представителями советской школы социальной/исторической психологии, последователями школы «Анналов» и пр.) и социологами.

Если древнерусский человек называл городами и грандиозный Киев, и маленький Воинь, то, видимо, у него были на это основания. Ситуация выглядела в целом гораздо проще: значимым было лишь наличие крепостных укреплений. На первый взгляд, такой подход выглядит поверхностным и даже непозволительно формаль-

¹⁸ Там же. С. 61.

ным, как нам подсказывает здравый смысл. Однако словоупотребление, принятое в древнерусском обществе, не было нормировано какими бы то ни было внешними инстанциями вроде правительственной комиссии по русскому языку или Орфографической комиссии РАН. Формирование словарного состава непосредственно зависело от понятийного инструментария, а он, в свою очередь, соотносился с жизнью так, как соотносится с жизнью само мышление.

Тем не менее Куза полагал, что нельзя отказаться от формирования научно-го (как он его понимал) определения понятия «город», нельзя следовать в словоупотреблении за летописцем. Исследователь писал, что «стремление в том вопросе стать на точку зрения летописцев затушевывает проблему»¹⁹. Сам он настолько далеко отошел от древнерусского понимания города, что его научное определение едва пересеклось с летописным. Два круга значений перекрывались на те самые 8,5%. Было ли это хорошо?

Для оценки познавательной ценности типологии древнерусского города А. В. Кузы следует понимать, что она действительно максимально логично встраивала археологический материал в теорию развития феодализма в Древней Руси XI–XIII столетий, то есть фактически обслуживала теорию более высокого уровня. В этом был ее плюс, но в этом был и минус.

Допустим, что максимальный отход от материалов письменных источников компенсировался идеальным соответствием советскому теоретическому мейн-стриму. Однако должна ли теория среднего уровня быть ориентирована «вверх», к теориям глобальным? Не лучше ли устремить вектор опоры вниз: к фактическому материалу? Вопрос риторический. Мы знаем, что чем выше уровень теории, тем сильнее она подвержена вненаучным влияниям. Сегодня теория феодальных отношений в Древней Руси уже перестала быть общепризнанной, возможно, без должных на то оснований. Но, так или иначе, типология Кузы, исключавшая из числа городов большую часть того, что называли городами древнерусские люди, потеряла существенную долю своей познавательной привлекательности.

Все-таки, если мы хотим рассуждать об истории социологически, мировоззрение эпохи нельзя настолько бесцеремонно сбрасывать со счетов. Мировоззрение отражается в языке и, собственно, базируется в нем. Иначе говоря, если в древнерусскую эпоху и столичный Киев, и пограничные заставы по Суле и Стугне можно было одинаково назвать словом «город», значит, для этого были причины социального и культурного характера.

Какие это были причины? Мы можем постараться понять это, анализируя совокупность древнерусских текстов на предмет выявления особенностей мировоззрения той эпохи.

Для древнерусского человека оставался очевидным тот факт, что город маленький, город средний и город большой часто соотносятся как стадии развития одного и того же объекта. Так, летописный Киев является читателю как городок, основанный тремя братьями посреди дремучего бора и едва не оставленный ими ради другого основанного Кием маленького городка. На путь к столичному статусу город вступил только при Олеге, пророчески объявившем: «Се буди мати градомъ

¹⁹ Археология СССР. С. 51.

русским»²⁰. Та же идея «От малого к великому» через столетия проявляется в повестях «о начале Москвы»²¹.

Нетрудно заметить в древнерусских текстах просматривается отношение к городам как к неким «коллективным личностям», поэтому маленький город и город большой соотносятся друг с другом, как маленький человек и человек большой (и в физическом, и в социальном смысле). Как и человеком, городом управляет судьба: он может вырасти большим, может остаться маленьким, может выжить, а может и погибнуть. Может достигнуть царского величия или остаться незначительной личностью, находящейся, однако, на своем месте и выполняющей свою функцию. В этой особенности древнерусских текстов видна очень важная, можно сказать, ключевая черта древнерусского восприятия города как социального организма, как «реальность *suī generis*», говоря словами Э. Дюркгейма.

Конечно, такой антропоморфный образ может вызвать возражения как слишком вольный и даже «фантазийный». Безусловно, «город как личность» — это лишь фигура древнерусской литературы. Однако широкая распространенность этого взгляда позволяет видеть за литературной формой социальную реальность. С социальной точки зрения для древнерусского мировоззрения город — это община.

Итак, во-первых, зафиксируем: *город — это община*, это населяющее его сообщество людей, «коллективная личность». После работ И. Я. Фроянова и А. Ю. Дворниченко²² вряд ли в этом у кого-нибудь могли остаться сомнения. Странно, что городскую общину археологические типологии игнорируют.

Во-вторых, *город — это укрепления*. В отличие от оружия, пломб и дорогой утвари обнаружение системы городских укреплений действительно может служить необходимым свидетельством того, что перед нами именно город. Если укрепления строились, значит, по мнению строивших, за их стенами помещалось то, что стоит защищать, — важный узел социальной жизни в главных ее аспектах: управление и защита людей и ценностей.

Оба эти фактора легко определяются археологически. Их сочетание может дать нам необходимое и достаточное свидетельство того, что перед нами город. Именно словом «город» будет описываться родовая характеристика древнерусского населенного пункта вне зависимости от иных характеристик, если в материалах есть укрепления и поселение. При этом города могут, конечно, разделяться на большие и малые, на стольные и подчиненные («пригороды»), но сущностными признаками должны считаться именно население и укрепления. Выделение «крепостей», «замков», «протогородов» и т. п. идет вразрез с данными письменных источников и не может без натяжек быть согласовано с материалами древнерусской археологии.

Остальные характеристики, выделенные советскими археологами П. А. Раппопортом, В. И. Довженком и прежде всего А. В. Кузой, следует считать хотя и интересными, но с социальным порядком древнерусского общества не связанными.

²⁰ Полное собрание русских летописей. Т. I: Лаврентьевская летопись. М., 1997. Стб. 23.

²¹ Повесть о начале царствующего града Москвы // Изборник: Повести Древней Руси. М., 1987. С. 295–300.

²² См.: Фроянов И. Я., Дворниченко А. Ю. Города-государства Древней Руси. Л., 1988; и др.

References

- Arkheologiya SSSR: Drevniaia Rus'. Gorod, zamok, selo.* Moscow, Nauka Publ., 1985, 429 p. (In Russian)
- Darkevich V.P. Proiskhozhdenie i razvitie gorodov drevnei Rusi (X–XIII vv.). *Voprosy istorii*, 1994, no. 10, pp. 43–60. (In Russian)
- Dolgov V.V. Postrigi kniazhichei v Drevnei Rusi XII–XIV vv. *Drevniaia Rus'. Voprosy medievistiki*, 2023, no. 3 (93), pp. 7–15. (In Russian)
- Dovzhenok V.I. Pro tipy gorodishch Kiivs'koï Rusi. *Arkheologiya*, issue. 16. Kiiv, Naukova dumka Publ., 1975, pp. 3–14. (In Ukrainian)
- Froianov I. Ia., Dvornichenko A. Yu. *Goroda-gosudarstva Drevnei Rusi.* Leningrad, Leningrad University Press, 1988, 269 p. (In Russian)
- Gajdukov P.G. O drevnerusskikh tovarnykh plombakh i topografii ix nakhodok. *Novgorodskii istoricheskii sbornik.* Vol. 20 (30). Veliky Novgorod, 2023. pp. 3–28. (In Russian)
- Kirpichnikov A. N. *Drevnerusskoe oruzhie*, issue 1. Moscow, Nauka Publ., 1966, 176 p. (In Russian)
- Kuza A. V. *Drevnerusskie gorodishcha X–XII vv. Svod arkheologicheskikh pamiatnikov.* Moscow, 1996, 256 p. (In Russian)
- Kuza A. V. *Malye goroda Drevnei Rusi.* Moscow, Nauka Publ., 1989, 166 p. (In Russian)
- Rappoport P. A. O tipologii drevnerusskikh poselenii. *KSIA*, 1967, issue 110, pp. 3–9. (In Russian)
- Toropova E. V. Drevnerusskie svintsovye plomby iz raskopok v Staroi Russe: topografiia i khronologiya. *Novgorodskii istoricheskii sbornik.* Vol. 19 (20). Veliky Novgorod, 2020, pp. 66–81. (In Russian)

Статья поступила в редакцию 6 июня 2024 г.

Рекомендована к печати 12 октября 2024 г.

Received: June 6, 2024

Accepted: October 12, 2024